

Глава 11

Великий поход на Москву

То, что Карл вознамерился покинуть пределы Польши и вторгнуться в Россию, не было для Петра большой неожиданностью. Карл расправился с Данией и Польшей – теперь настал черед России. Еще в январе 1707 года царь издал приказ о создании заградительной зоны опустошения, с тем чтобы армия неприятеля не могла пополнять в дороге припасы. Для начала посланные Петром казаки и калмыки принялись опустошать Западную Польшу, которой предстояло первой встретить шведскую армию. Горели польские местечки, разрушались мосты. Равич, где в 1705 году находился штаб Карла, был стерт с лица земли, а колодцы завалены телами защитников-поляков.

Укрываясь за выжженной пустыней, Петр неустанно заботился об усилении своей армии. Царские агенты рыскали в поисках новобранцев. Рекрутов было не так-то просто сыскать, и тут Петру помогали прибыльщики. Так, брянский дворянин Безобразов донес, что в их округе в последнее время умножилось число молодых подьячих и церковных служителей, из которых вполне могут получиться драгуны. Петр в ответ послал указ: «Разобрать и годных в службу написать». Петр сумел обратить себе на пользу и проявленную шведами жестокость. Шведы отрубили по два пальца на правой руке сорока шести пленным русским солдатам и отослали их обратно в Россию. Петр был возмущен тем, что содеяли шведы, которые и его самого, и его народ почитали за варваров и отказывались признавать христианами. По словам Уитворта, чтобы обратить зверство шведов против них самих, «царь разослал этих [увечных] солдат по полкам, дабы они служили живым примером для своих товарищей и те знали, чего им следует ожидать, если они попадут в руки безжалостного неприятеля».

Готовясь к самому худшему, царь приказал возвести укрепления и в самой Москве. В середине июня в столицу был прислан военный инженер Василий Корчмин с приказом укрепить Кремль и другие защитные сооружения. Несмотря на предпринятые усилия, в городе со страхом ожидали приближения шведов. «Здесь все говорят только о войне и о смерти, – писал австрийский представитель в Москве Плейер. – Многие купцы, собираясь будто бы в Архангельск на ярмарку, куда всегда ездили одни, берут с собой жен и детей. Богатые иноземные торговцы, захватив семьи и имущество, спешно отправляются в Гамбург, тогда как механики и мастеровые идут в услужение к русским. Иностранцы в Москве и пригородах ищут защиты у своих послов, опасаясь не столько насилия со стороны шведов, сколько всеобщего бунта и резни, поскольку на Москве все озлоблены непомерными налогами».

В начале лета 1707 года – в то время как в Москве укрепляли Кремль, а Карл готовился выступить из Саксонии – Петр находился в Варшаве. В Польше он провел два месяца, и не по своей воле – почти все время пролежал в лихорадке. К концу августа он получил донесение, что шведский король наконец двинулся на восток. Вскоре после этого царь покинул Варшаву и, не торопясь, пустился в путь по Литве и Польше, часто останавливаясь по дороге, осматривая местные укрепления, беседуя с войсковыми командирами.

Военный совет с участием Петра и Меншикова одобрил предложенный царем оборонительный план. Решено было не рисковать и не вступать в сражение на территории Польши, во всяком случае избегать крупномасштабных батальи в открытом поле. Петр по-прежнему полагал, что русская пехота не готова к бою, и не желал подвергать опасности армию, потеряв которую Россия осталась бы беззащитной. Поэтому значительные силы пехоты были выведены из Польши и сосредоточены в окрестностях Минска под началом Шереметева. Командовать русской армией в Польше было поручено Меншикову – лучшему из русских кавалерийских командиров Петра. Драгунские полки Меншикова должны были задерживать неприятеля на переправах через Вислу (Варшава), Нарев (Пултуск) и Неман (Гродно).

23 октября 1707 года Петр добрался до Петербурга и тут же принялся за дело. Он осмотрел укрепления самого города и подступов к нему – с моря у Кронштадта и с Ладоги у Шлиссельбурга. Петр дневал и ночевал в Адмиралтействе, где разработал программу строительства судов на следующий год. Царь продолжал отдавать распоряжения по подготовке приближавшейся кампании и издал несчетное количество указов, касающихся набора новобранцев, снабжения войск, обеспечения их обмундированием. При всей своей занятости, он нашел время и на то, чтобы отправить соболезнование отцу погибшего в бою князя Ивана Троекурова, и на то, чтобы написать дружеское письмо Дарье Меншиковой с шутиливой просьбой получше присматривать за мужем: «Дай Боже, чтобы у вас так все было хорошо, как здесь. Так же откормите Данилыча, чтоб я не так его паки видел, как в Меречах». Петр велел перевести на русский язык латинские книги, посылаемые Апраксину, и не забыл распорядиться о дрессировке щенков своих любимых собак.

Но как бы ни занимал царь себя работой, всю осень и начало зимы его одолевала гнетущая тревога. Причин для беспокойства было предостаточно. Мало того что приходилось думать о шведском вторжении, в Петербурге Петра поджидали вести одна хуже другой – тут и бунт башкир и донских казаков, и резня, учиненная Булавиным на реке Айдар над отрядом Юрия Долгорукого. Эта беда грозила сократить его пребывание в Петербурге, поскольку он был необходим в Москве, а то и в донских степях, и Петр уже собрался было ехать, когда пришло известие, что казаки Булавина разбиты.

Вдобавок ко всему в эти тревожные месяцы Петр часто хворал. Лихорадка надолго приковывала его к постели, он раздражался и частенько терял самообладание. Как-то раз он разгневался на Апраксина за то, что тот не наказал воевод, приславших меньше новобранцев, чем им было предписано: «Что вы ничево не зделали тем воеводам, которые к вам не по указу довели людей, а отваливаете сие на московские приказы, которое в добро не может причтено быть но точию двум делам; или лености, или не хотите остудиться». Апраксин был уязвлен, и Петр, остыв и осознав свою неправоту, написал: «Что же скорбите о том, что я о воеводах написал, и в том, для Бога, печали не имейте, ибо я истинно не со злобы к вам, но в здешнем житъе хотя что малая противность покажется, то приводит в сердце».

Может быть, именно в эти нелегкие дни Петр острее всего понял, как нуждается он в единственном человеке, который умел утешить его в минуты отчаяния. Историки предполагают, что в ноябре 1707 года сразу по возвращении в Петербург, царь тайно обвенчался с Екатериной.

Затем Петр отбыл на Рождество в Москву, решив навестить столицу, в которой не был почти два года. Там прежде всего требовалось осмотреть укрепления, которые день и ночь возводили 20 000 работных людей под началом Корчмина. Земля промерзла, и, для того чтобы насыпать валы, приходилось отогревать ее, разводя большие костры. В Москве Петр пробыл месяц. Он издал указ о чеканке новой серебряной монеты, а на печатном дворе осмотрел только что прибывший из Голландии новый русский шрифт. Вышли указы о единой оплате для посольских служащих, о посылке молодых людей на обучение за границу, о том, чтобы священники знали грамоту, а портные на Москве шили платье и головные уборы строго по иноземному образцу. Словом, дел у царя хватало, и он не любил, когда его отвлекали по пустякам. Однажды Уитворт неосторожно обратился к царю с мелким ходатайством о нуждах английских купцов. Петр раздраженно ответил, что разберется, но многого не обещает, ибо Всевышний, взвалив на плечи царей в двадцать раз больше трудов, не позаботился дать им в двадцать раз больше способностей и сил, чем всем другим.

6 января 1708 года Петр снова уехал из Москвы к армии. По дороге в Минск, узнав от Меншикова, что Карл быстро продвигается через Польшу, он поспешил дальше на запад, к Гродно. То, что шведская армия и среди зимы способна совершать стремительные маневры и вообще действует непредсказуемо, усугубило беспокойство Петра. Спустя четыре дня он написал Апраксину: «Как возможно поспешай в Вильню, и буде в Вильню уже приехал, далее не езд, понеже неприятель уже у нас».

Шестью параллельными колоннами шведская армия пересекла границу Силезии с Польшей в районе Равича. Здесь, на польской земле, шведские солдаты впервые увидели, что их ждет впереди. Город Равич был выжжен дотла, колодцы и ручьи завалены мертвыми телами. Казаки и калмыки Меншикова сеяли смерть и опустошение перед надвигавшимися шведскими войсками. По всей Польше тянуло гарью пожарищ от хуторов и селений, выжженных кавалерией Меншикова. Русская конница избегала столкновений с неприятелем, отступая на восток, в сторону Варшавы, где за Вислой укреплялся Меншиков.

Выслав вперед заслон кавалерии и драгун, шведская армия неспешно двигалась прямо на Варшаву. Но затем Карл вдруг повернул на север и встал лагерем у Познани, где в течение двух месяцев ожидал прибытия подкреплений и подходящей погоды. Здесь он принял решение оставить в Польше генерал-майора Крассова с 5000 драгун и 3000 пехоты, чтобы обеспечить поддержку шаткому трону Станислава.

Осень кончалась, приближалась зима. Шведская армия пребывала в бездействии – похоже, что у короля начался длительный период апатии, и русские солдаты под Варшавой стали чувствовать себя увереннее: зима на носу, и придется шведам до весны отсиживаться в своем лагере. Но Карл думал иначе – не затем он ушел из гостеприимной Саксонии, чтобы, слегка продвинувшись на восток, зимовать в чистом поле. Он муштровал своих новобранцев и выжидал конца осенних дождей, которые превращали дороги в трясину, намереваясь выступить, как только ударит мороз.

Но выступить не на Варшаву. Еще в самом начале кампании Карл твердо решил избегать стремительных фронтальных атак, которыми он так славился. Он не хотел, чтобы серьезное столкновение случилось так далеко от основной цели похода. Его стратегический замысел заключался в том, чтобы не мешать русским возводить укрепления за той или иной рекой, а самому затем сместиться к северу, переправиться через реку, зайти с фланга русских позиций и принудить их защитников отступить без боя.

В первый раз именно так и получилось. В конце ноября, после двухмесячных приготовлений, шведы снялись с лагеря у Познани и совершили пятидесятимильный бросок на северо-восток, выйдя к берегу Вислы, которая в этом месте делает петлю на запад. Перед ними лежали широкая река и заметенная снегом пустынная равнина. Не было видно ни конного, ни пешего. Вместо неприятеля шведам пришлось бороться с природой. Хотя уже выпал глубокий снег, река еще не замерзла. Из-за плывущих по воде льдин невозможно было навести мост, и Карлу ничего не оставалось, кроме как с нетерпением дожидаться ледостава. На Рождество ударил сильный мороз и река наконец замерзла. 28 декабря толщина льда достигала уже трех дюймов. Поливая водой солому и доски и вмораживая их в лед, шведы добились того, что переправа стала достаточно надежной и могла выдержать вес артиллерийских орудий и провиантских подвод. С 28 по 31 декабря вся армия переправилась через Вислу. «Они осуществили свой замысел, – писал капитан Джеймс Джеффрис, молодой англичанин, состоявший при шведской армии, – без малейшего урона, если не считать двух или трех подвод, которые провалились и пошли на дно»⁴².

Новый 1708 год шведская армия встретила уже на восточном берегу Вислы. Варшавская оборонительная линия оказалась обойденной с фланга, и Меншиков вывел

⁴² Джеффрис был военным дипломатом, тесно связанным со Швецией. Сам он родился в Стокгольме: его отец на протяжении многих лет служил Карлу XI. Его старший брат вступил в ряды шведской армии и погиб под Нарвой. Сам Джеймс состоял секретарем при английском посланнике в Швеции. В 1707 г. он записался в шведскую армию «волонтером»: с помощью такой уловки ему удалось обойти запрет Карла XII на пребывание иностранных дипломатов в действующей армии. Хотя симпатии Джеффриса были всецело на стороне шведов, его истинная задача заключалась в том, чтобы внимательно за всем наблюдать и докладывать англичанам о ходе шведского наступления на Россию. Под Полтавой Джеффрис попал в плен, был отпущен домой, но вскоре снова появился в России, на сей раз в роли английского посланника в Петербурге. Последние двадцать лет своей жизни он провел в Ирландии, в родовом замке Бларни в графстве Корк.

войска из города и отступил за реку Нарев на новые позиции под Пултуском. Разведчики донесли Карлу, что позиции Меншикова хорошо укреплены, и король вновь двинулся на север, чтобы повторить свой обходной маневр.

Однако во второй раз это оказалось не так просто. Путь на север пролегал через Мазурское Поозерье, преодолеть которое было труднее, чем любую другую местность в Восточной Европе. Край изобиловал болотами, топями и непроходимыми дебрями, а редкое население было враждебно настроено к чужакам. Здешние дороги напоминали скорее звериные тропы, в лучшем случае по ним едва могла проехать крестьянская телега. Но Карла это не остановило. И начался изнурительный поход. На ночь король велел каждой роте разводить большие костры; для поддержания духа исполнялись военные марши. Но лесные чащобы брали свое. Кони надрывались и падали замертво, пытаясь протащить подводы с пушками по разбитым проселкам. Из набранных в Германии драгун кое-кто уже дезертировал, посчитав жалованье за службу в таких условиях недостаточным. Фуража не хватало. Шведы нашли простой и жестокий способ заставить крестьян расстаться с добытыми нелегким трудом припасами. На глазах у матери на шею ребенку накидывали петлю и спрашивали у нее, где укрыто продовольствие. Если мать молчала, ребенка вешали. Но обычно крестьяне не выдерживали и признавались, хоть это и обрекало их на голодную смерть.

Неудивительно, что порой местные жители сопротивлялись. В большинстве своем они были охотниками, жили в местах, где водились волки и медведи, и умели обращаться с огнестрельным оружием. Скрываясь за деревьями и кустами, они обстреливали проходившие колонны или устраивали засады. Партизанская война быстро вырабатывает свои жестокие правила. Когда заночевавших в амбаре шведов кто-то запер, а потом запалил крышу у них над головой, король приказал повесить для устрашения десятерых жителей деревни. Когда же через деревню прошел последний шведский отряд, ее сожгли дотла. В другой раз генерал Крейц захватил шайку из пятидесяти мародеров, местных жителей: он приказал им самим вешать друг друга, и лишь последних нескольких человек повесили шведы.

Преодолев все трудности перехода, Карл 22 января вышел из леса в районе Кольно. Прискакавший с юга русский конный дозор обнаружил значительные силы шведов и счел за лучшее отступить и известить об этом Меншикова.

Добившись немалого успеха этим отважным броском, Карл решил еще более дерзким ударом прорвать третий защитный рубеж русских войск, проходивший по Неману. Перед ним лежал пограничный литовский город Гродно – ключевой пункт неманской оборонительной линии; два года назад здесь провела зиму армия Огильви. И Петр, и Карл понимали: пойдет ли король на север, к Балтике, или на восток, к Москве, – Гродно ему не миновать. Шведам нужна была дорога: армия не могла бесконечно пробираться лесами и болотами. Поэтому русские войска подтягивались к Гродно, и, зная это, Карл решил нанести удар немедленно, рассчитывая захватить город прежде, чем русские успеют его надежно укрепить. Оставив армию позади, Карл с Реншильдом и Крейцем, во главе 600 конных гвардейцев, поскакали вперед. По пути к ним присоединился возвращавшийся из-за линии фронта разведывательный отряд из пятидесяти человек. Подъехав поутру к Гродно, Карл увидел, что мост через Неман цел. Его защищал 2-тысячный кавалерийский отряд под командой бригадира Мюленфельса, немца, принятого на службу Петром. Шведы немедленно бросились штурмовать мост. Одни поскакали по льду реки, чтобы обойти русских с тыла, другие устремились прямо на мост. Завязалась сумбурная потасовка – стреляли из пистолетов, рубились клинками. Среди сумятицы и криков Карл лично уложил двоих – одного из пистолета, другого заколол шпагой. Темнело рано, и в сгущающихся сумерках русские не видели, много ли наступает шведов; они бросили мост и укрылись в городе. Карл преследовал их до ворот, на ночь разбил лагерь у городских стен и послал гонцов с приказом армии поспешить к нему. Он и не подозревал, что всего в нескольких сотнях ярдов, за крепостной стеной, находится сам царь Петр.

Петр прибыл в Гродно, чтобы поддержать Меншикова, которого непредсказуемые обходные маневры и внезапные неожиданные броски Карла повергали в полное смятение и растерянность. Меншиков уже собирался отводить из Гродно войска, так как опасался, что противник снова обойдет его с фланга. Но царь прекрасно понимал, как важен неманский рубеж, и не хотел, чтобы неприятель преодолел его также легко, как Вислу и Нарев. Но ни Петр, ни Меншиков и представить себе не могли, что Карл уже совсем близко и вот-вот вихрем промчится через Неман по мосту, который так и не удосужились разрушить.

Когда в городе услышали стрельбу и увидели, что кавалерия атакует мост, никто не смог верно оценить численность наступавших шведов. Петр решил, что мост захватили подошедшие основные силы противника, а если так – удержать Гродно невозможно. В ту ночь русские войска покидали город. Царская повозка стояла наготове у восточных ворот. Еще не рассвело, когда Петр вместе с Меншиковым сели в повозку и покатали в сторону Вильно и Петербурга. Если бы Карл знал, что Петр в Гродно, он, несомненно, предпринял бы все возможное, чтобы захватить этот бесценный трофей и одним ударом изменить ход войны. Но вышло иначе, и, когда поутру шведские конники подступили к стенам, их встретил пустой город, и Карл беспрепятственно вошел в него. Но этим дело не кончилось. По дороге в Вильно Петр узнал, что неожиданный шведский натиск был предпринят лишь горсткой смельчаков, которые и захватили город до подхода основных сил, и что среди них находился и сам Карл. Царь решил немедленно нанести контрудар: этой же ночью атаковать город и отбить его, а если повезет, то захватить и самого шведского короля. Прострафившийся Мюленфельс получил под начало 3000 всадников и приказ атаковать город под покровом темноты. Карл, ни в грош не ставивший русских, в ту ночь разрешил своим кавалеристам расседлать коней, раздеться и отдыхать. На дорогу, по которой отступили русские, был выслан заслон из пятидесяти драгун с приказом разместиться на ночь в придорожных избах, не расседлывая коней. Из их числа был выделен караул – пятнадцать человек, чтобы перекрыть дорогу, но январская стужа заставила тринадцать солдат спешиться и сгрудиться вокруг костра. Фактически покой шведского короля и его измученных воинов охраняли всего-навсего два конных драгуна.

Глубокой ночью, стараясь не производить шума, приближались сотни русских конников. Однако они были услышаны: часовые криками подняли своих товарищей у костра – как раз вовремя, чтобы встретить русских у рогатки, преграждавшей дорогу. Услышав шум, из домов выбежали и остальные драгуны, вскочили на нерасседланных коней и тут же бросились в схватку. Русские многократно превосходили шведов числом, но в кромешной тьме не было видно ни зги, и они посчитали, что дорога перекрыта крупными силами. Вскоре к месту стычки прискакали Карл с Реншильдом, причем король не успел даже надеть сапоги. Они рвались вступить в рукопашную, но в темноте не могли отличить своих от чужих. Следом за ними подоспели и другие, полуодетые, на неоседланных конях. Русские даже во тьме ощутили, что натиск шведов усиливается, и, не видя смысла продолжать схватку, развернулись и ускакали прочь. Не прошло и часа, как в Гродно вновь воцарилась тишина. Карл радовался своему везению и без конца спрашивал себя, что бы случилось, если бы Мюленфельс воспользовался его собственной тактикой и 3000 русских конников, минуя часовых и караульных у костра, на полном скаку ворвались бы в город?

Карл с небольшим отрядом конной гвардии пробыл в Гродно три дня, но русские больше не пытались отбить город. Мюленфельс, дважды потерпевший неудачу, был арестован: официально его обвинили в том, что он не позаботился своевременно разрушить мост через Неман. Когда подошли главные шведские силы, Карл взял несколько отборных полков и пустился было в погоню за Петром, но скоро пришлось от преследования отказаться. Его войска были слишком малочисленны, солдаты устали, а применявшаяся русскими тактика выжженной земли превратила окрестности в снежную пустыню.

Затем и вся русская армия отступила от Немана, оставив укрепленные позиции и готовые зимние квартиры противнику, и заняла новый рубеж на Березине. Карл неотступно следовал по пятам русских войск. Как всегда, он со своей конной гвардией двигался впереди

основных сил. Но шведы были измотаны, им требовался отдых. Армия преодолела 500 миль, и уже почти три месяца вела кампанию в зимних условиях. Особенно тяжело сказывалась нехватка коней и фуража. Все, что оставалось от урожая, пожгли русские солдаты или попрятали крестьяне. Чтобы сохранить лошадей, необходимо было отложить наступление до весны и дожидаться, пока пробьется свежая трава. 8 февраля Карл остановился и, дождавшись основных сил, разрешил разбить лагерь и отдыхать. 17 марта он перенес лагерь к Радошковичам, к северо-западу от Минска. Если соединить на карте Вильно, Минск и Гродно, получится треугольник – в нем-то и разместил наконец Карл свою армию на зимние квартиры.

Польская кампания завершилась. Перейдя Неман у Гродно, шведская армия вступила на литовскую землю – политически аморфную территорию Великого княжества Литовского, раскинувшегося между Польшей, Россией и балтийским побережьем. Шведам удалось пройти всю Польшу и пересечь три считавшиеся непреодолимыми речных рубежа без единого серьезного сражения, не считая стычки на гродненском мосту. За военными успехами последовали и дипломатические. Прежде правительство королевы Анны не было расположено считать Станислава польским королем, но стоило известиям о триумфальном походе Карла через Польшу достигнуть Лондона, как шведский ставленник был признан законным преемником Августа. Многие влиятельные польские магнаты, ранее не спешившие поддержать Станислава, также пересмотрели свою позицию. При европейских дворах уже никто не верил, что у Петра есть шансы на победу. А сами шведы преисполнились еще большей уверенностью в себе и презрением к неприятелю. И впрямь – что можно сказать об армии, которая с самим царем во главе пустилась наутек, бросив укрепленный водный рубеж и крепость, едва к ней приблизилось всего шесть сотен шведских всадников?

Пребывание на зимних квартирах оказалось для шведской армии тяжелее зимней кампании. Скученность в тесных нетопленных помещениях и скудность питания повлекли за собой дизентерию, от которой в первую очередь страдали прибывшие из Швеции новобранцы, люди стали умирать. Несколько недель промаялся и сам Карл. А за наблюдательными постами лагеря не было ничего, кроме завывающего ветра, снегов, пронизывающего холода, выжженных дотла селений да вмерзших в речной лед обгорелых бревен от разрушенных мостов. Каждый день шведские фуражные отряды рыскали по опустошенным окрестностям в поисках провианта. Они вызнали обыкновение литовских крестьян прятать припасы в земляных ямах и научились обнаруживать эти укрытия по пятнам подтаявшего снега. Частенько фуражиры сталкивались с разездами русской конницы, и стычки следовали одна за одной. Бывало, десяток-другой шведских кавалеристов только направлялся к крестьянской хибаре, как вдруг, откуда ни возьмись, налетят казаки или калмыки. Морозный воздух оглашается криками, мчатся прищипоренные кони, гремят выстрелы, сверкают клинки – и вот уж кто-то удирает восвояси. Это была война без пощады: и шведы, и русские из нерегулярных войск ненавидели друг друга. И те и другие, захватив пленных, запирали их в избе и сжигали живьем.

В служившей шведским штабом избе Карл и его генералы корпели над картами. Однажды король подошел к склонившемуся над картой генерал-квартирмейстеру Гилленкроку и, взглянув на его работу, среди прочих рассуждений заметил: «Теперь перед нами открылся великий путь на Москву». Гилленкрок возразил, что пока до Москвы еще далеко. «Не тревожьтесь, стоит нам выступить вновь, и мы непременно дойдем до цели». Гилленкрок молча вернулся к своей работе – прокладывать по карте маршрут до Могилева на Днепре, имея в виду общее направление на Смоленск и Москву. Карл вызвал в Радошковичи командующего шведскими войсками в Риге графа Адама Левенгаупта и приказал ему разорить хоть всю Ливонию, но собрать как можно больше провизии, пороха и боеприпасов, вместе с лошадьми и подводами для их доставки. Левенгаупту надлежало сформировать огромный обоз и со всем своим отрядом эскортировать его к назначенному пункту для соединения с королевской армией. Встреча намечалась на середину лета.

С начала мая шведский лагерь заметно оживился. Вновь налегли на муштру, армия

приводилась в боевую готовность. Собранной провизии должно было хватить на шесть недель пути. Повеял теплый ветерок, прояснилось небо, и армия ощутила прилив бодрости. О неприятеле думали с пренебрежением. Генерал-майор Лагеркрона заявил: «Противник не осмелится преградить его величеству путь на Москву».

* * *

После стычки под Гродно Петр в походной кибитке помчался на север, к Вильно. Беспрепятственное продвижение могучего противника по польским равнинам едва не повергло его в отчаяние, но неожиданно и необъяснимо шведская колесница прекратила свой бег и замерла почти на три месяца. В Вильно Петр и его генералы терялись в догадках, куда направится Карл. Из Гродно шведы могли двинуться разными путями. Если они последуют за Петром на север, к Вильно, станет ясно, что они вознамерились освободить балтийские провинции и нанести удар по Петербургу. Если неприятель повернет на восток, к Минску, — значит, нацелился на Москву. Карл мог и дальше тянуть с решением, а то и совместить обе задачи — пойти на северо-восток мимо Чудского озера на Псков и Новгород. Откуда он мог бы угрожать в равной мере и Петербургу, и Москве.

Петр не мог упускать из виду ни одну из этих возможностей. Он отвел свои основные силы за Днепр, оставив фельдмаршала Гольца с восьмитысячным отрядом драгун у Борисова на Березине, чтобы помешать противнику переправиться через реку. Меншикову было велено рубить деревья и преградить засеками все дороги, ведущие от Гродно. Спустя несколько недель Петр принял еще более жесткие меры. На военном совете он распорядился создать зону полного опустошения и лишить шведов пропитания, в какую бы сторону они ни двинулись. Эта зона глубиной в 120 миль должна была простираться от Пскова до Смоленска, перекрывая все дороги из шведского лагеря на север, восток и юг. Как только Карл выступит в поход, все — от строений до последнего зернышка — надлежало сжечь. Под угрозой смерти крестьянам было приказано либо спалить все хранившиеся в амбарах припасы, либо запрятать их в лесной глуши. Там же, в глухомани, им было велено приготовить убежища для себя и скотины. Врагу предстояло идти по безлюдной пустыне.

Хуже всего пришлось Дерпту, который Петр захватил еще в 1704 году. Если бы Карл вздумал пойти на Балтику, он не миновал бы этот город, и поэтому Петр приказал выгнать оттуда всех жителей и разрушить город до основания. По иронии судьбы эта жестокая мера оказалась совершенно напрасной — на север Карл не пошел.

Когда Карл встал на зимние квартиры у Радошковичей, Петр решил воспользоваться временным затишьем и на Пасху вернулся в Петербург. Перед самым отъездом он опять подхватил лихорадку, но поехал, несмотря ни на что. В конце марта Петр прибыл в Петербург, но болезнь одолевала его, и 6 апреля он писал Головину: «Хотя я всегда здесь, яко в райском месте здоров был, но ныне не знаю, как с собою привез лихорадку из Польши, хотя и гораздо осматривал у себя [следил за собой] и в саях, и в платье, ибо всю страстную седмицу мучим от нее был, и самой праздник, кроме начала заутрени и Евангелия по болезни не слышал, ныне, слава Богу, прихожу в здоровье, и еще никуда из избы. Сия лихорадка купно с гортанною и грудною болезнью, кашлем сама кончилась, а не удержана, и материи зело много худой вышло». Два дня спустя Петр написал снова: «Прошу, какие дела возможно без меня делать, чтобы делали; как я был здоров, ничего не пропускал, а ныне Бог видит, каков после сия болезни, которая и здешнее место Польшею сочинила, и ежели в сих неделях не будет к лечению и отдохновению времени, Бог знает, что будет».

Когда Меншиков прислал известие, что шведы наводят мосты на реках и явно собираются выступить, Петр встревожился и отвечал ему 14 апреля, что понимает всю тяжесть положения, но нуждается в отдыхе и уходе, а потому просит не звать его к войскам, пока в этом не будет крайней нужды. И в заключение добавил: «А сам, ваша милость, ведаешь, что николи я так не писывал, но Бог видит, когда мочи нет, ибо без здоровья и силы служить невозможно, но ежели б недель пять или шесть с того времени здесь побыть и лекарства употреблять, то б надеялся, с помощью Божию, здоров к вам быть».